

На правах рукописи

Столяров Андрей Викторович

**Информационная свобода и информационное
насилие**

Специальность 09.00.11 — социальная философия

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Москва

2012

Работа выполнена на кафедре философии для естественных факультетов философского факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Волкогорова Ольга Дмитриевна

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Бойцова Ольга Юрьевна
доктор философских наук, профессор
Яблокова Наталья Игоревна

Ведущая организация: Академия гражданской защиты МЧС
России (кафедра философии, истории
и культурологии)

Защита состоится «_____» _____ 2012 г. в _____ часов на заседании диссертационного совета Д 501.001.16 в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, учебный корпус № 1, философский факультет, Зал заседаний Учёного совета, аудитория А518.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале Отдела диссертаций в Фундаментальной библиотеке МГУ по адресу: Ломоносовский проспект, д. 27, сектор «А», 8 этаж, к. 812.

Автореферат разослан «_____» _____ 2012 г.

Ученый секретарь Диссертационного совета
кандидат философских наук, доцент

Кржевов В. С.

I. Общая характеристика работы

Актуальность темы

Информационная революция, обусловленная взрывным прогрессом электроники и вычислительной техники, появлением персональных компьютеров, переводом практически всех видов хранимой и передаваемой информации в цифровой формат и возникновением сети Интернет, требует более внимательного отношения к информации как объекту общественных отношений. Цифровая эпоха в области представления информации и эпоха Интернета в области коммуникаций, хронологически совпавшие друг с другом, высвечивают и обостряют социальные противоречия, существовавшие и ранее, но которые в докомпьютерные времена могли безопасно игнорироваться; кроме того, перед социумом встают новые проблемы, возникновение которых полностью обусловлено развитием информационных технологий.

Среди таких противоречий — антагонизм интересов рекламодателя и получателя рекламы, или, если рассматривать проблему под иным углом, противоречие между правом одних на свободную передачу информации и желанием других оградить себя от ненужной информации; конфликт интересов владельцев имущественных прав, относящихся к области интеллектуальной собственности (прежде всего — исключительных имущественных «авторских» прав, называемых также копирайтом), заинтересованных в ограничении использования новых технологий обработки и передачи информации, и широкой публики (включая авторов-любителей), интересам которой соответствует свободное использование достижений технического прогресса в области информационных технологий; противоречие между желанием одних граждан выразить свою политическую позицию в виде митинга или другой манифестации, с одной стороны, и желанием других граждан сохранять спокойствие и не страдать от неудобств, возникающих при проведении таких манифестаций, и т. д. Рекламные рассылки по каналам персональной связи, достигшие в эпоху Интернета масштабов глобального

бедствия (так называемый спам), уничтожающего целые коммуникационные среды, несомненно, требуют жестких мер, однако находятся, с одной стороны, люди, пытающиеся оправдать спам свободой слова, и, с другой стороны, люди, пытающиеся использовать проблему спама как иллюстрацию несостоятельности свободы слова.

Всё это делает актуальным рассмотрение критерия, позволяющего провести чёткую границу между допустимым и недопустимым в области информационных обменов и, таким образом, указать путь к снятию социальных противоречий, возникших или обострившихся с наступлением цифровой эпохи.

Степень разработанности проблемы

Проблема свободы слова стала специальным предметом рассмотрения философов и теоретиков государственного управления начиная с XVII века. Связано это было с переходом к новому типу общественного устройства и, соответственно, новой политической организации общества. В связи с развитием демократических институтов и ростом объёма информации, необходимой для адаптивного поведения, проблема свободы слова стала постоянной составляющей дискуссий и обсуждений в социально-философской, политологической и правовой литературе. Основы рассмотрения роли свободы слова в общественной жизни заложили такие классические мыслители, как И. Кант, Дж. Мильтон, Дж. Локк, Дж. С. Милль¹.

Теоретическая разработка проблемы свободы слова в сочетании с обоснованием принципов свободы предпринимательства содержится в трудах Т. Джеферсона и А. Смита. В XX веке заметный вклад в исследование проблем свободного («открытого») общества и, соответственно, свободы слова, внёс К. Поппер².

---

¹Милль Дж. О свободе // Джон Стюарт Милль. Утилитарианизм. О свободе. Издание книгопродавца И. П. Перевозникова, Санкт-Петербург, 1900. с. 193–426; Милль-тон, Дж. Ареопагитика. Речь о свободе печати от цензуры, обращенная к парламенту Англии (1644) // Современные проблемы. Выпуск № 1, Москва — Новосибирск, март 1997 г; и др.

²Поппер К. Открытое общество и его враги. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 448 с

В связи с планомерным манипулированием массовым сознанием, особенно характерным для прошлого и нынешнего века, в литературе стала разрабатываться тема пропаганды и рекламы. Здесь необходимо упомянуть работы таких зарубежных авторов, как У. Липпман, Э. Бернейс, Ф. Хайек, И. Берлин, Ж. Бодрийяр, М. Шпрул, Н. Хомский³. Не остались от этой темы в стороне и отечественные философы: одним из первых проблемы массового сознания рассмотрел в своих работах Б. Грушин, из современных же авторов следует назвать А. Белоусова, Т. Науменко, Д. Ольшанского, С. Кара-Мурзу⁴.

Фундаментальный характер изменений в общественных отношениях, вызванных наступлением эпохи цифровой информации и Интернета, подчёркивали М. Кастельс, Р. Столлман, С. П. Капица и др.⁵ Современный этап исследований влияния информационных технологий на общественную жизнь характеризуется изучением самых различных аспектов такого взаимодействия, их влияния на экономическую, политическую, духовную и социальную сферы общества. Сегодня информационные проблемы являются междисциплинарным объектом изучения, очевиден вклад различных дисциплин в эту область исследования. Например, правовыми аспектами мира Интернет занимались такие отечественные исследователи, как В. Наумов, А. Серго, М. Левин, Э. Гаврилов⁶ и др.

---

³Липпман У. Общественное мнение. М.: Институт Фонда Общественное мнение, 2004. 384 с; Бернейс Э. Пропаганда. М.: Гиппо, 2010. 176 с. ; Бодрийяр Ж. Реквием по масс-медиа. // Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 1999. С. 193-226; Chomsky, N. Media Control: The Spectacular Achievements of Propaganda. Seven Stories Press, New York, 1997. 104 p. и др.

⁴Грушин Б. А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. М.: Политиздат, 1987. 368 с; Белоусов А. От пропаганды до связей с общественностью (к выходу в свет русского издания книги Эдварда Бернейса «Пропаганда» (1928) // Свободная мысль, № 8, 2010; Науменко Т. В. Массовое сознание и его роль в массово-коммуникативном процессе // Вестник МГУ. Серия 18: Социология и политология. 2003. № 1. С. 147–157; Ольшанский Д. В. Психология масс. СПб.: Питер, 2002. 368 с. ; Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2000. 864 с

⁵Кастельс М. Галактика Интернет. Изд-во «У-Фактория», Екатеринбург, 2004. ; Stallman, Richard M. Copyright and globalization in the age of computer networks. // Free Software, Free Society: Selected Essays of Richard M. Stallman. GNU Press, Boston, 2004. pp. 135–156 и др.

⁶Наумов В. Б. Право и Интернет: очерки теории и практики. М.: Книжный дом «Университет», 2002, 432 с. , Серго А. Г. Интернет и право. М.: «Бестселлер», 2003.

Тема воздействия информационных технологий на индивидуальное сознание разрабатывается В. Рыжовым⁷.

Важным моментом данного исследования является рассмотрение института интеллектуальной собственности и его влияния на состояние свободы слова. В этой части своей работы автор опирался на работы Д. Болдрина и Д. Левина, С. Кинселлы, Р. Столлмана, Л. Лессига; заслуживает внимания исследование, предпринятое Г. МакКвином, Ш. Вельд и Г. Лурье⁸. В России с критикой института интеллектуальной собственности выступали такие авторы, как М. Вербицкий, А. Левенчук, А. Сергеев, С. Минаев¹⁰ и многие другие.

Таким образом, следует констатировать наличие разносторонних исследований по проблемам свободы слова, пропаганды, манипуляции массовым сознанием, информационного обмена, особенно в контексте перехода социума к информационной стадии развития. Вместе с тем, остаётся практически не исследованной область, связанная с информационным насилием, его формами, в исследовательской литературе не разрабатываются критерии допустимого в области информационного обмена, которые учитывали бы специфику и потребности современного общества.

Цель и основные задачи исследования

Объектом исследования является процесс становления информационного общества. В качестве **предмета исследования** выступают

---

272 с. , Левин М. E-mail «безопасная»: Взлом, «спам» и «хакерские» атаки на системы электронной почты Internet. М.: Майор, 2002. 189 с. и др.

⁷Рыжов В. А. Экология сознания личности и проблема защиты индивидуально-го сознания в инфо-инфраструктуре общества. М.: ИНИНФО, 1996; Рыжов В. А. Экология сознания. // М.: Компьютер пресс, № 7, 1998. с. 104–110

⁸Boldrin M., Levine D. K.. Against intellectual monopoly. New York, NY: Cambridge University Press, 2008, , Kinsella, S. Against Intellectual Property // Journal of Libertarian Studies. Vol. 15, No. 2. Auburn, AL: Ludwig von Mises Institute, 2001. Русский перевод см., напр., <http://libertynews.ru/node/176>, Stallman, Richard M. Did You Say Intellectual Property? It's a Seductive Mirage. // <http://www.gnu.org/philosophy/not-ipr.html>, ⁹, MacQueen, H. L., Waelde S., Laurie G. T. Contemporary intellectual property: law and policy. Oxford University Press, 2007. 960 p.

¹⁰Вербицкий М. Антикопирайт. 2002. <http://imperium.lenin.ru/Lenin/32/C/>; Сергеев А. Автор и человек: у кого прав больше // Мир Internet, № 5 (32), 1999 и др.

общие критерии допустимого и недопустимого в области информационного взаимодействия и информационных процессов в социуме.

Основной целью предпринятого исследования было уточнение понятия информационной свободы (как развития идеи свободы слова), которое позволило бы указать путь к снятию накопившихся в обществе противоречий, обусловленных или проявившихся вследствие взрывного развития информационных технологий и формирования информационного общества, а также описание свободного информационного общества и изучение возможности построения такового. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие основные задачи:

- Дать всестороннюю характеристику социальных аспектов информационной свободы и информационного насилия, предложить дефиниции информационной свободы и информационного насилия; привести типологию информационного насилия.
- Проанализировать роль и место института имущественной интеллектуальной собственности в современном обществе; изучить аргументы «за» и «против» отказа от интеллектуальной собственности как юридического института, прежде всего — от имущественных авторских прав.
- Рассмотреть информационное насилие как нарушение прав неприкосновенности личности; проанализировать различные случаи применения информационного насилия в современном обществе, возможные последствия признания таковых недопустимыми, а также возможные пути к элиминации информационного насилия над индивидуумами.
- Разработать интегральный теоретический подход, базирующийся на либертарианстве, позволяющий описать многообразие способов и методов исключения информационного насилия из общественной жизни.

Методологические основы исследования

Диссертация представляет собой социально-философское исследование проблем информационной свободы и информационного насилия в условиях современного общества. Методологической основой исследования является междисциплинарный подход, предполагающий многомерный синтез философских, социологических, политологических, правоведческих исследовательских парадигм применительно к феноменам информационной свободы и информационного насилия.

Современный междисциплинарный статус изучения воздействий информационных технологий на жизнь социума требует совмещения в методологической базе и категориальном аппарате идей и методов, выработанных в рамках различных научных дисциплин, вовлеченных в разработку проблематики, близкой к теме исследования диссертации. В своей работе автор исходит из либертарианской модели философии права. Этим обусловлено, прежде всего, присутствие методов и приёмов философии права и правоведения в данном социально-философском исследовании.

При решении основных задач диссертации были использованы приёмы и принципы гегелевского диалектического подхода. Концептуальная разработка проблем информационного насилия в социуме осуществлена на принципах классической социальной философии К. Маркса с привлечением некоторых идей М. Вебера. Для решения отдельных задач исследования использована постмарксистская методология М. Кастельса. При рассмотрении специфики информационного взаимодействия индивидов в данной работе используются отдельные положения концепций символического обмена Ж. Бодрийяра; также в диссертационном исследовании применяются альтернативные подходы к пониманию прав собственности, в частности, генетическая теория собственности Р. Нозика¹¹. В работе присутствуют исторические экскурсы, реконструкции и иллюстрации, введённые для наглядности изложения и убедительности аргументации.

---

¹¹Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М.: ИРИСЭН, 2008. 424 с.

Положения, выносимые на защиту, и их научная новизна

На защиту выносятся следующие положения:

1. Предложен новый подход к осмыслению феномена информационной свободы как принципа осуществления информационного обмена на основе добровольного согласия всех его непосредственных участников и отсутствия у них обязательств, делающих такой обмен невозможным.

2. Обосновано, что любое активное действие, нарушающее информационную свободу личности, такое как передача информации без согласия хотя бы одного из участников информационного взаимодействия (принимающего или передающего), либо активные действия третьих лиц, мешающие добровольному информационному обмену, представляет собой информационное насилие над личностью.

3. Показано, что институт интеллектуальной собственности в современном обществе переживает кризис; ни один из видов интеллектуальной собственности не выполняет сегодня своих исходных задач и целей. Обоснована целесообразность отмены юридического института интеллектуальной собственности как нарушающего право личности на информационную свободу. Отмечается, что неимущественные права, зачастую относимые к категории интеллектуальной собственности, такие как право авторства, право на имя, право научного приоритета и т. п., не противоречат принципам информационной свободы; напротив, их нарушение (в частности, плагиат) может быть признано информационным насилием в форме злонамеренной дезинформации.

4. Показано, что запрет коммерческого информационного насилия, кроме очевидного снижения стрессовой нагрузки на индивидов, может также поднять эффективность производства товаров и услуг, усилить добросовестную конкуренцию, высвободить значительное количество ресурсов; запрет агитации и пропаганды на деле приведёт к росту эффективности институтов гражданского общества; запрет информационного насилия в области религии снимет проблему маргинальных религиозных и псевдорелигиозных образований, не нарушая при этом принципа свободы совести; мероприятия, направленные на принудительное получение информации (как гласное, так и негласное) в современном

обществе могут быть достаточно безболезненно отменены.

Теоретическая значимость диссертации

Основным вкладом автора в разработку проблем информационной свободы и информационного насилия в современном обществе является предложенное им развитие либертарианской концепции исследования данных феноменов. Предложено авторское понимание терминов «информационная свобода» и «информационное насилие», основанное на признании необходимости и достаточности общей доброй воли всех непосредственных участников информационного обмена для осуществления такого обмена. Сформулированные автором в рамках данного подхода дефиниции позволяют анализировать значительную часть социальных и политических противоречий, возникших или проявившихся с началом активного формирования информационного общества, на основе единого принципа исследования; это позволяет дать ответ на вопрос, чего следует ожидать от свободного информационного общества, и предложить универсальные принципы определения допустимости или недопустимости той или иной информационной деятельности.

В рамках настоящей работы удалось произвести определенную систематизацию знаний о нарушениях информационной свободы в современном обществе, что позволяет считать предложенный подход к изучению информационной свободы и информационного насилия применимым для решения существующих социальных проблем в данной сфере.

Систематизация теоретических знаний обнаруживается:

- в классификации основных видов информационного насилия;
- в предложении авторского понимания таких сложных социальных феноменов, как информационная свобода и информационное насилие;
- в принципиальном решении вопросов, связанных с институтом интеллектуальной собственности, через призму информационной свободы.

Важным теоретическим достижением работы является наличие концептуальной основы для решения частных вопросов, связанных с информационным обменом. Такой основой выступает социально-правовая модель либертарианства, с позиций которой последовательно исследуются различные аспекты избранной темы.

Практическая значимость диссертации

Анализ проявлений информационного насилия, выявленная в диссертации сущность информационной свободы, выделение принципиальных критериев нарушения прав и свобод индивида могут найти применение при разработке и выборе курса правовой политики государства, а также на уровне функционирования отдельных элементов гражданского общества. Кроме того, положения и выводы диссертационного исследования могут быть использованы при подготовке и чтении различных курсов обществоведческих дисциплин.

Апробация работы

По теме диссертации опубликованы три печатные работы, в том числе одна статья в издании, включённом в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК Министерства образования и науки РФ.

Результаты диссертации докладывались на Пятой международной научной конференции по проблемам безопасности и противодействия терроризму, проходившей в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова (2009 г.), а также на заседании кафедры философии естественных факультетов философского факультета МГУ.

Структура и объём работы

Структура диссертации обусловлена целями, задачами и принятым способом исследования. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения и библиографии. Общий объём работы составляет 155 страниц, библиография включает 171 название.

II. Основное содержание работы

Во «Введении» описывается степень научной разработанности проблемы, определяется теоретическая и методологическая основа исследования, обосновывается актуальность темы исследования и научная новизна работы. Формулируются основные результаты, выносимые на защиту.

В первой главе — «Свобода слова, информационная свобода и информационное насилие» — автор исследует социальные противоречия, к обострению которых привело наступление цифровой эпохи и возникновение информационного общества. Придя к выводу о необходимости уточнения понятия свободы слова, автор вводит дефиниции терминов «информационная свобода» и «информационное насилие», проводит обзор основных видов информационного насилия и анализирует возможные социальные последствия запрещения информационного насилия наравне с насилием физическим.

Первый параграф — «Свобода слова и проблемы её истолкования. Понятие информационной свободы» начинается с обзора истории становления сети Интернет. Отмечается, в частности, что сообщество, возникшее на ранних стадиях существования Сети, отличалось исключительной степенью уважения к личной свободе участников сетевого взаимодействия, и прежде всего — к свободе слова. Когда в первой половине 1990-х годов пользователи Сети столкнулись с проблемой спама, понимание свободы слова как свободы каждого говорить кому угодно что угодно привело к дискуссиям об этической допустимости технических мер ограничения спама. Тем не менее, игнорировать проблему спама оказалось невозможно: спам способен уничтожать целые коммуникационные среды, как это случилось с новостными конференциями Usenet, и такая же участь неминуемо постигла бы электронную почту, если бы не были предприняты экстренные технические и организационные меры. Между тем, до сих пор находятся люди, утверждающие, что

филترация электронной почты нарушает свободу слова; кроме того, встречаются попытки использовать феномен спама как аргумент для обоснования несостоятельности свободы слова.

Автор предлагает снять возникшее противоречие, уточнив понятие свободы слова (или, говоря современным языком, свободы информационного обмена). Чтобы избежать искажения понятия свободы, автор приводит обзор философских работ, посвящённых этому понятию. Отмечается, в частности, омонимичный характер термина «свобода»: с одной стороны, свобода может пониматься в метафизическом смысле, как противоположность детерминированности, а с другой стороны — в социально-политическом смысле, как отсутствие ограничений и принуждения со стороны других людей. Метафизическое понимание свободы автор оставляет за рамками работы; при рассмотрении же социально-политического смысла свободы принимается решение использовать либертарианский подход и рассматривать свободу исключительно в «отрицательном» смысле, как отсутствие иницированного насилия. Отмечается важная роль информированной доброй воли в свободном взаимодействии индивидов, а также роль свободы волеизъявления, выражающейся в праве индивида добровольно брать на себя обязательства без возможности их отмены (свобода договорных отношений).

Применение этого подхода к случаю свободы информационного обмена позволяет сформулировать её основные составляющие. Во-первых, поскольку любой информационный обмен являет собой взаимодействие индивидов, необходимо потребовать согласия каждого из участников — как передающего, так и принимающего. Во-вторых, необходимо учесть свободу волеизъявления и потребовать, чтобы соответствующий информационный обмен не противоречил никаким обязательствам, которые были ранее взяты на себя кем-либо из участников обмена. Так, если обладатель информации ранее **добровольно** взял на себя обязательство о неразглашении этой информации, то её разглашение должно уже рассматриваться не как проявление свободы информационного обмена, но как нарушение собственных добровольных обязательств. Наконец,

в-третьих, чтобы остаться в рамках либертарианской модели, необходимо потребовать, чтобы *никаких иных ограничений на обмен информацией не накладывалось*, т. е. если все участники предполагаемого информационного обмена выразили своё согласие и никто из участников не связан запрещающими обязательствами, то информационный обмен должен состояться вне всякой зависимости от пожеланий, интересов и волеизъявлений третьих лиц, включая и государственные органы, правительство, всевозможные корпорации, организации и т. п.

В соответствии с этим даются авторские дефиниции информационной свободы и информационного насилия. *Информационную свободу* автор определяет как такую модель общественного устройства, при которой любое информационное взаимодействие может (и должно) состояться тогда и только тогда, когда все непосредственные участники данного информационного взаимодействия согласны в нём участвовать и ни один из участников не связан добровольно взятыми на себя обязательствами, делающими соответствующий информационный обмен невозможным. С другой стороны, любое *активное* действие, нарушающее информационную свободу личности, такое как передача информации без согласия хотя бы одного из участников информационного взаимодействия (без согласия принимающего или без согласия передающего), либо вмешательство третьих лиц в свободное информационное взаимодействие с целью его нарушения и/или активные действия третьих лиц, делающие соответствующий обмен невозможным, автор предлагает считать *информационным насилием* над личностью.

Отмечается, что под определение информационного насилия формально не подпадают нарушения ранее взятых на себя договорных обязательств (например, разглашение информации, которую её владелец добровольно обязался не разглашать), что, однако, не делает такие нарушения информационной свободы сколь бы то ни было менее важными. Вообще говоря, речь в этом случае идёт не о нарушении информационной свободы, а о нарушении договорных обязательств, что противоречит либертарианской модели свободы как таковой, без введения в неё специальных понятий информационной свободы и информационно-

го насилия.

Во втором параграфе — «Типология информационного насилия» — автор отмечает, что информационное насилие можно очевидным образом разделить на три основных проявления. К первому из них относится **получение информации без согласия её обладателя**, т. е. передача информации без согласия передающего. Это, прежде всего, всевозможный шпионаж, прослушивание каналов связи, перлюстрация почтовой корреспонденции, радиоперехват и тому подобное. К этому же виду можно отнести прямую кражу носителей информации, что позволяет при рассмотрении такой кражи не ограничивать размер нанесённого ущерба стоимостью самих носителей. Кроме того, к этому виду информационного насилия приходится отнести исполнение существующих во многих юрисдикциях законов об *обязательности* дачи свидетельских показаний.

Второй вид информационного насилия — это **передача информации без согласия получателя**. К этому виду относятся спам, словесные оскорбления, злонамеренная дезинформация и т. п. Вместе с тем, к данному виду информационного насилия автор предлагает отнести: большую часть существующей рекламы (как минимум, любую рекламу с использованием персональных каналов связи, а также наружную рекламу и т. п., то есть все виды рекламы, на получение которой получатель не давал своего согласия); пропаганду любого рода вне всякой зависимости от её целей; миссионерскую деятельность всевозможных религиозных конфессий, проводимую за пределами храмов и других специально выделенных помещений; оказание психологического давления любого рода; проведение в общественных местах всевозможных демонстраций, митингов, пикетов и тому подобных мероприятий, имеющих целью навязывание окружающим определённых (обычно политических) точек зрения; торговлю вне специально отведённых мест, коммивояжерскую деятельность; наконец, обыкновенное попрошайничество.

В третий, и последний вид информационного насилия автор выделяет **вмешательство третьих лиц в свободный информационный**

обмен, протекающий с согласия всех его участников и не противоречащий действующим добровольным обязательствам участников. К этому виду относится всевозможная цензура, как государственная, так и осуществляемая на других уровнях общественных отношений. Кроме того, к этому же виду насилия приходится, по мнению автора, отнести существенную часть мероприятий по обеспечению института интеллектуальной собственности (прежде всего — исключительных авторских прав).

В третьем параграфе — «Социальный эффект информационной свободы» — автор предпринимает попытку анализа социальных последствий признания информационного насилия недопустимым наравне с насилием физическим. В начале параграфа отмечается, что либертарианская модель используется в работе в качестве гарантии того, что личная свобода не будет подменена каким-либо её суррогатом; с другой стороны, защита граждан от насилия в том или ином виде оказывается необходимой функцией любой государственной системы, что делает основные выводы работы применимыми за пределами либертарианской модели. Многие частные проявления информационного насилия считались и считаются противозаконными практически во всех существующих юрисдикциях; сама по себе идея преступления, весь состав которого складывается из действий сугубо информационных, ничего нового собой не представляет. Вместе с тем, революционные изменения общественных отношений, вызванные наступлением цифровой эпохи, предъявляют соответствующие требования к законодательным системам и порождают потребность в разрешении имеющихся противоречий, связанных с информационной свободой, в прояснении и упорядочении точек зрения на допустимость или недопустимость тех или иных видов информационной активности.

Признание информационного насилия полноценным видом насилия, требующим наравне с насилием физическим соответствующей реакции общества, возможно (и, по мнению автора, необходимо) в любом государстве, претендующем на статус правового. Никакой определяющей роли в этом либертарианство не играет. Безусловно, такое признание

потребуется серьёзных изменений в существующих общественных отношениях. Тем не менее, имеющиеся и с каждым годом обостряющиеся социальные и правовые проблемы, вызванные неизбежным техническим совершенствованием цивилизации, необходимо так или иначе снимать, и признание понятия информационного насилия представляется с этой точки зрения шагом более эффективным, чем попытки заретушировать множасьщиеся проблемы путём дальнейшего усложнения и без того чрезмерно сложного законодательства.

Концепция информационного насилия и информационной свободы, понимаемой как отказ от информационного насилия и его запрет, позволяет дать достаточно однозначные ответы на ряд вопросов о допустимости и недопустимости тех или иных действий, которые в настоящее время решаются волюнтаристски, причём полученные решения существенно различаются от юрисдикции к юрисдикции. Накапливающиеся противоречия будут тем острее, а универсальные ответы на правовые и этические вопросы, связанные с информационным обменом, будут тем более необходимы, чем дальше зайдут общественные отношения по пути формирования информационного общества.

Автор утверждает, что рассматриваемое определение информационной свободы представляет собой ответ на объективно существующие потребности современного общества. Внедрение предлагаемой понятийной базы и соответствующие изменения в жизни социума, как юридические, так и практические, несомненно, потребуют серьёзных усилий и натолкнутся на существенное сопротивление; тем не менее, социальные противоречия, порождаемые игнорированием проблем информационного насилия, с каждым годом становятся всё острее. Оставаясь неразрешёнными, эти противоречия могут вызвать качественные стихийные сдвиги в жизни общества, последствия которых окажутся существенно тяжелее, нежели преобразования, необходимые сейчас для ликвидации назревающих очагов напряжённости. Более того, тривиальный характер вводимых терминов позволяет предположить, что рано или поздно именно такой подход к свободе информационного обмена будет так или иначе принят обществом; в этом плане социально значимым может

оказаться само введение термина информационного насилия в дискурс, даже если это не вызовет немедленных изменений в действующем законодательстве.

Вторая глава — «Отношения интеллектуальной собственности как форма информационного насилия» — посвящена институту интеллектуальной собственности, роли интеллектуальной собственности в современном обществе и её перспективам, обусловленным становлением информационного общества.

Первый параграф — «Границы интеллектуальной собственности, основные её виды и их роль в современном обществе» — начинается с замечания о том, что далеко не любые результаты интеллектуальной деятельности вообще могут охраняться имущественными правами (в частности, охране не подлежат математические результаты). Кроме того, подчёркивается, что неимущественные права, признаваемые за авторами результатов интеллектуальной деятельности, такие как право авторства, право на имя и т. д., по своей сути вообще не являются предметом *собственности*, а их область действия шире, нежели предметная область авторского и патентного права, и за пределами этой предметной области неимущественные права автора (в частности, право научного приоритета) исторически доказали свою способность существовать без какой-либо законодательной поддержки. На этом основании автор утверждает, что рассмотрение личных неимущественных прав автора как составной части интеллектуальной собственности некорректно, и предлагает вообще не относить неимущественные права к области интеллектуальной собственности.

Подчёркивается, что в контексте данного исследования это разделение весьма существенно, поскольку нарушение личных неимущественных прав автора (в частности, плагиат) можно рассматривать как информационное насилие в форме злонамеренной дезинформации, тогда как в случае интеллектуальной собственности (имущественных прав) информационным насилием оказываются сами законы, попирающие информационную свободу граждан.

Автор приводит обзор основных видов имущественной интеллектуальной собственности (исключительные авторские права, патентные права, торговые марки) и отмечает существенные различия между их областями и принципами действия. Проанализировав историю возникновения каждого из основных видов интеллектуальной собственности, а также их современное состояние, автор делает вывод, что ни один из них не выполняет сейчас тех задач, для которых был исходно предназначен. Торговые марки открывают пути для обмана потребителя, хотя должны были, наоборот, интересы потребителя обеспечивать; при этом отмечается, что такое положение вещей обусловлено не существованием торговых марок как таковых, как средства идентификации, но исключительно искусственно внедрёнными в эту область отношениями *собственности*, которые позволяют владельцу торговой марки единолично распоряжаться ею, в том числе и в ущерб её идентификационной роли. Патенты изначально придуманы как альтернатива засекречиванию технологий, но в современном мире они, напротив, лишь отбирают у общественности возможность использования изобретений и в ряде случаев делают новые технологии полностью недоступными. Наконец, копирайты активно используются издателями, и не только ими, вопреки интересам авторов, тогда как должны были именно автора (и в основном именно от издателей) защищать.

Автор утверждает, что такие парадоксальные результаты являются прямым следствием из характера существующих форм интеллектуальной собственности. Если рассматривать интеллектуальную собственность как глобальный юридический эксперимент, то на основании всего вышесказанного можно констатировать, что этот эксперимент показал свою несостоятельность; эпоха Интернета лишь нагляднее продемонстрировала этот факт широкой общественности.

Во втором параграфе — «Имущественные авторские права в цифровую эпоху» — отмечается, что последние два десятилетия следует считать эпохой информационной революции, в которой определяющую роль сыграло появление общедоступных компьютеров, внедрение цифровых форматов данных, пригодных для хранения информа-

ции любых видов и копирования любой информации без потери качества, а также формирование глобальной компьютерной сети Интернет. Всё это привело, помимо прочего, к тому, что авторы (писатели и музыканты) получили прямой доступ к своей аудитории; посредник в виде издателя оказался не обязательным. С другой стороны, техническая возможность изготовления полноценных копий, ранее принадлежавшая узкому кругу компаний и профессионалов, оказалась доступна всем желающим. Авторско-правовое законодательство в доцифровую эпоху, начиная с момента своего возникновения, выступало в качестве внутрииндустриальных регулятивных норм, никак не затрагивая права и возможности частных лиц; с наступлением цифровой эпохи это положение резко изменилось, поскольку авторско-правовое законодательство, понимаемое традиционным способом, оставило неизменным круг лиц, которым оно предоставляет преимущества, но в то же время круг лиц, возможности которых искусственно ограничены, расширился до размеров практически всего социума. Более того, поскольку контролировать выполнение ограничений стало труднее, издатели повели масштабное наступление на права частных лиц, лоббируя (под предлогом охраны «авторских» прав) ограничения на создание и распространение технических средств, предназначенных для копирования информации, законодательно затрудняя работу интернет-операторов и заставляя их следить за собственными клиентами, требуя в ряде случаев полностью запретить использование перспективных технологий, таких как файлообменные сети и т. п.

В параграфе сделан вывод, что авторско-правовое законодательство не отвечает требованиям изменившихся внешних условий.

Третий параграф — «О мнимой справедливости интеллектуальной собственности» — посвящён критике института интеллектуальной собственности в контексте справедливого общественного устройства.

В начале параграфа приводится ряд примеров применения буквы авторско-правового законодательства. Отмечается, что, согласно букве закона, противозаконными оказываются ряд действий, которые широкая публика в принципе не готова воспринимать как незакон-

ные (в частности, любительское исполнение музыкальных произведений, проигрывание музыки на домашней вечеринке, исполнение стихов на школьных уроках, исполнение музыкальных и драматургических произведений в рамках самодеятельности). Отмечается, что авторско-правовое законодательство противоречит интуитивному пониманию среднего обывателя о допустимом и недопустимом.

Далее автор указывает способ ограничения распространения копий определённой информации, основанный на добровольных обязательствах,— передачу копии с одновременным заключением договора о неразглашении (NDA), в том числе в форме акцепта оферты. Отмечается, что копирайтное законодательство эквивалентно принуждению всего общества к неявному принятию условий такого договора с каждым из правообладателей относительно каждого защищённого копирайтом произведения, вне зависимости от желаний и доброй воли индивидов. Отмечается также, что работа соответствующих законов обеспечивается полицейскими мероприятиями, оплачиваемыми за счёт налогоплательщиков, то есть люди вынуждены оплачивать насилие над самими собой. Наконец, утверждается, что авторско-правовое законодательство в его нынешнем виде выражает интересы издательского бизнеса, а не авторов, и во многих случаях интересам авторов не соответствует. В конце параграфа автор делает вывод о предпочтительности отмены института интеллектуальной собственности.

В четвёртом параграфе — «Экономические предпосылки к упразднению интеллектуальной собственности» — автор отмечает, что субъекты общественных отношений, чьим интересам соответствует законодательство интеллектуальной собственности, обладают существенными финансовыми ресурсами и лоббистским потенциалом, так что демонтаж института интеллектуальной собственности неизбежно натолкнётся на сложности, которые (во всяком случае, на сегодняшний день) могут оказаться непреодолимыми.

Тем не менее, среди тех, кто распоряжается крупными финансовыми и политическими ресурсами, присутствует ряд субъектов, которым авторско-правовое законодательство невыгодно. В качестве при-

мера таковых автор называет операторов сети Интернет и производителей воспроизводящей аппаратуры. Кроме того, отмечается, что авторское право противоречит интересам собственно авторов (за исключением немногих, имеющих широкую аудиторию и крупные гонорары); торговые марки (как вид собственности, в противоположность средству идентификации) оказываются невыгодны покупателям, но, кроме того, бренды как явление, будучи выгодны крупному бизнесу, ущемляют интересы мелкого и среднего бизнеса; практически то же самое можно сказать и о патентных правах. Учитывая, что социальные противоречия, порождаемые интеллектуальной собственностью, будут в дальнейшем только обостряться, автор делает вывод, что законодателям следует прекратить бесполезные попытки сохранения института интеллектуальной собственности и принять меры к по возможности наименее болезненной отмене такового.

Третья глава — «Личная информационная неприкосновенность» — посвящена необходимому в свободном информационном обществе праву свободного индивида не подвергаться информационному насилию в каких-либо его формах.

Первый параграф — «Проблема коммерческого информационного насилия» — посвящён рекламе, большая часть которой в рамках введённой понятийной базы оказывается информационным насилием. Под определение информационного насилия заведомо попадает любая наружная реклама, реклама в общественном транспорте, а также спам и все его разновидности, такие как рассылка рекламных материалов обычной почтой, рассылка факсов, телефонные звонки рекламного характера и тому подобное. Однозначным насилием оказываются всевозможные варианты присоединения рекламы к тем или иным нерекламным услугам. По мнению автора, незаконными должны быть признаны также любые виды скрытой рекламы, в частности, любые проявления рекламной методики, известной под англоязычным названием *product placement*, когда изображение рекламируемых товаров или товарных знаков исподволь вплетается, например, в видеоряд очередного филь-

ма; об *информированном* согласии получателя в этом случае вообще невозможно говорить, поскольку неясность такой рекламы лежит в основе методики. Можно, с другой стороны, привести примеры практически полностью ненасильственной рекламы. Так, существуют рекламные каталоги, высылаемые только по запросу получателя. Если при этом получатель заранее осведомлён о характере содержания заказываемого каталога, то ни о каком насилии речи идти не может: получатель информации выразил своё согласие на участие в информационном обмене, заказав каталог, а передающая сторона выразила своё согласие, выслав его.

Если просмотром рекламы получатель оплачивает те или иные (чаще всего — информационные и развлекательные) услуги, то в таких случаях насильственная составляющая рекламы может быть устранена, если получение доступа к соответствующим услугам совместить с явно обозначенным акцептом оферты на поставку услуг в обмен на просмотр рекламы. Таким образом, под однозначный запрет подпадает далеко не вся реклама (и даже, возможно, не бóльшая её часть), однако повсеместное внедрение запрашивания явного согласия реципиента на получение рекламы способно существенно изменить отношение к рекламе в массовом сознании: недовольство потребителя рекламой будет поддержано осознанием ценности личной информационной неприкосновенности. Автор отмечает далее, что латентно существующая возможность отказа от рекламы может оказаться полезна для общества со многих точек зрения.

Во втором параграфе — «Информационное насилие в политике и общественной жизни» — автор рассматривает, с одной стороны, существующую свободу митингов и шествий, а с другой стороны — предвыборную агитацию, а также социальную рекламу и пропаганду как средство манипулирования общественным мнением.

Отмечается, что свобода митингов и шествий в действительности представляет собой право недовольных, если только таковых набралось некоторое заметное количество, подвергнуть информационному (а иногда и не только информационному) насилию других лиц. Избира-

тельные кампании также связаны с информационным насилием, причём известны случаи рассылки спама в ходе избирательной кампании. Пропаганда (социальная реклама) является информационным насилием во всех своих формах (в отличие от коммерческой рекламы, для которой можно указать ненасильственные формы), поскольку попытка спросить у получателя пропаганды разрешения на проведение пропаганды заведомо отсекает практически всех, на кого пропаганда нацелена (разрешение дадут только те, кто и так согласен с пропагандируемой точкой зрения). Автор делает вывод, что от пропаганды как явления обществу будущего придётся полностью отказаться.

Возвращаясь к свободе манифестации, автор замечает, что сто и более лет тому назад донесение своей точки зрения до представителей власти действительно могло происходить лишь в форме публичных массовых мероприятий; однако процесс доведения точки зрения является собой действие сугубо информационное, а информационные технологии за последнее столетие, и в особенности за два последних десятилетия претерпели существенные изменения, так что в современном мире можно указать такие способы донесения точки зрения до власти, которые будут не менее (возможно, более) эффективны, нежели пикеты и демонстрации, но при этом не будут связаны с информационным насилием над гражданским населением; упоминаются, в частности, петиции, подаваемые через Интернет, а также высказывание своей точки зрения в блогосфере, мониторинг которой власти уже давно вынуждены осуществлять на постоянной основе; наконец, собрания, проводимые за закрытыми дверями специально предоставленных помещений, при условии, что представителям власти будет вменено в обязанность ознакомление с решениями, принятыми на таких собраниях. Автор отмечает, что исключить уличные митинги и демонстрации, по-видимому, возможно без введения прямого запрета таковых, если альтернативные способы выражения народного недовольства окажутся более привлекательны для граждан, нежели традиционные манифестации.

Наконец, предвыборную агитацию предлагается заменить изданием справочников по участвующим в выборах политическим силам и деяте-

лям, которые будут распространяться на избирательных участках или высылаться избирателям по их запросам. Автор отмечает, что общую политическую активность населения (в том числе процент явки на избирательные участки) это может существенно снизить, однако при этом в активном электорате останутся те избиратели, голос которых будет действительным выражением их информированного выбора, избавленного от влияния предвыборной рекламы.

Третий параграф — «Информационная неприкосновенность как средство решения проблемы маргинальных религиозных образований» — посвящён информационному насилию в форме религиозного миссионерства. Отмечается, что проблема маргинальных религиозных течений существует и в ряде случаев не может игнорироваться, однако все традиционные средства показали свою несостоятельность в решении этой проблемы. Свобода совести в современном обществе необходима и неизбежна, и, как следствие, рассматривать взрослого дееспособного человека, попавшего в маргинальную секту, в качестве потерпевшего невозможно, поскольку сам он категорически отрицает свой статус потерпевшего, утверждая, что вступлением в секту он реализовал свою свободу вероисповедания.

Автор далее отмечает, что техника психологической обработки, применяемая сектами для вербовки новых членов, представляет собой очевидный пример информационного насилия. Если, учитывая это, запретить агрессивную миссионерскую деятельность (не как таковую, а как частный случай информационного насилия), то секта потеряет больше миссионеров, нежели приобретёт неофитов. Свободы вероисповедания это никак не нарушит, поскольку запретить предлагается не исповедание религии как таковое, но исключительно насилие над свободными людьми. Реализация свободы распространения религиозных убеждений в этом случае ограничивается теми кандидатами в неофиты, которые *сами* обратились к носителям соответствующих убеждений с просьбой посвятить их в особенности конкретного учения.

В четвёртом параграфе — «Информационное насилие в форме принуждения к выдаче информации и негласного сбора информации» —

рассматривается случай отсутствия согласия на информационный обмен со стороны *передающего*. В начале параграфа отмечается, что большинство случаев информационного насилия данного вида является противозаконным в существующих юрисдикциях, однако остаются узаконенные случаи прослушки каналов связи и законодательно закреплённое принуждение к даче свидетельских показаний. В ряде случаев обусловленная законом обязанность свидетельствовать противоречит моральным принципам граждан; в частности, в России гражданин избавлен от необходимости свидетельствовать против супруга (супруги) и близких родственников, но дать показания против близкого друга с этической точки зрения ничуть не лучше. Между тем, противоречие между моралью и законом лишь снижает уважение к закону; с другой стороны, формальные статьи, предусматривающие ответственность за отказ от дачи показаний, практически никогда не работают. Автор приходит к выводу, что отмена обязанности давать показания не возымеет никаких отрицательных последствий, но может прибавить уважения к закону.

Относительно прослушивания каналов связи отмечается, что в современных условиях, когда практически все виды связи проводятся или могут проводиться через цифровые каналы, для злоумышленников не составляет никакого труда воспользоваться криптографической защитой каналов связи, причём для этого может быть применено бесплатное программное обеспечение, свободно доступное в сети Интернет. По мнению автора, в ближайшие годы все мероприятия по негласному сбору информации потеряют свой смысл, так что их отмена может пройти совершенно безболезненно.

В «Заключении» подводятся итоги исследования и кратко излагаются основные выводы.

Публикации автора по теме диссертации

в изданиях, включённых в перечень Высшей аттестационной комиссии:

1. Столяров А. В. Свобода слова в цифровом тысячелетии. // Вестник Московского университета, серия 7 (философия), № 5, 2010. с. 64-82.

в других изданиях:

2. Столяров А. В. Концепт информационного насилия и его роль в осмыслении информационной свободы. // Материалы Пятой международной научной конференции по проблемам безопасности и противодействия терроризму. Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 29–30 октября 2009 г. Том 1. Материалы пленарного заседания и заседаний по тематике противодействия терроризму. — М.: МЦНМО, 2010. с. 336-343.
3. Столяров А. В. Проблемы информационного общества. Сборник статей. М.: МАКС Пресс, 2008. 88 с. ISBN 978-5-317-02573-1.